

**ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ**

Читайте остросюжетные
романы **ТАТЬЯНЫ ШАХМАТОВОЙ**
в серии «Филологическое
расследование»:

УНЕСЕННЫЕ БЛОГОСФЕРОЙ

УДАР ОТТОЧЕННЫМ ПЕРОМ

ИНОСТРАННЫЙ РУССКИЙ

УБИЙСТВО ОНСАЙТ

МАНЬЯК МЕЖДУ СТРОК

ТАТЬЯНА ШАХМАТОВА

**МАНЬЯК
МЕЖ
ДУ
СТРОК**

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ШЗ1

Разработка серийного оформления
Яны Паламарчук

Редактор серии *А. Антонова*

Шахматова, Татьяна Сергеевна.
ШЗ1 Маньяк между строк / Татьяна Шахматова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Филологическое расследование).

ISBN 978-5-04-100430-9

Казалось бы, ничего страшного, если на тебя написали жалобу. Чиновники положат ее в долгий ящик и вскоре забудут. Но один из борцов за справедливость таким положением дел остался не доволен и решил собственноручно вершить суд. Серия убийств шокировала маленький городок. Выяснить, кто скрывается под маской маньяка-правдоруба, предстоит эксперту-филологу Виктории Берсеньевой и ее племяннику Саше. Найти среди сотни тысяч жалоб именно те, что написаны убийцей, задача не из легких. Особенно если попутно приходится вести другое дело — спасать репутацию популярного блогера...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100430-9

© Шахматова Т.С., 2019
© Оформление. Я. Паламарчук, 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Благодарности

Мне вряд ли удалось бы написать эту книгу, если бы не консультации замечательного адвоката Евгения Архангельского, если бы не наше с ним давнее профессиональное сотрудничество, незаметно для нас самих переросшее в долгую дружбу, и если бы не бесконечные зимние вечера в городе Тольятти, где так мало занятий, что собраться вместе, рассказывать реальные истории из своих практик и придумывать, как их можно уложить в детектив, — лучшее совместное времяпровождение. Несмотря на мрачноватый колорит романа и определенное сопротивление материала, которое я испытала, взявшись за вопросы, поднятые в этом тексте, история рождения его замысла, пожалуй, одна из самых легких и захватывающих благодаря твоему, Женя, профессионализму и мастерству рассказчика. Спасибо за эту интеллектуальную радость совместной работы!

Особо благодарю замечательного практикующего врача-психиатра и коллегу по писательскому цеху Максима Малявина. Его профессиональные, точные указания и советы послужили научной основой этой книги, помогли раскрыть характеры и выстроить

сюжет. Благодаря нашим личным беседам, а также легкой и доступной манере изложения в его книге «Психиатрия для самоваров и чайников» и в «Блоге добрых психиатров» в «Живом журнале» я смогла ощутить достаточную уверенность, чтобы взяться описывать столь сложную и противоречивую проблему, как душевное нездоровье и его отражение в речи. Спасибо вам, дорогой Максим, за то, что бережно и грамотно проводили в тот мир, который скрыт от большинства обычных людей без специального медицинского образования и часто оказывается вовсе вычеркнут из поля нашего зрения.

Глава 1

Любовный напиток

*Две чайные ложки кофе с горкой
на кружку средних размеров,
залить крутым кипятком,
яростно взболтать,
пить залпом, без сахара, молока
и прочей девчачьей хрени.*

Макс Фрай. «Кофейная книга»

Она сделала пару шагов назад и уперлась попой в подоконник. Горько вздохнула:

— Это звучит нездорово, — ее огромные зелено-вато-серые глаза смотрели на меня в упор.

Она нетерпеливо качнула головой и повторила по слогам:

— Не-здо-ро-во.

Потом собрала одной рукой свои роскошные рыжие локоны и, ловко сдернув с запястья резинку, похожую на перекрученный провод, связала волосы узлом и отвернулась к окну, демонстрируя, что разговор окончен.

Вернувшись домой, я застал там еще одно послание, тоже означавшее жесткий отказ договариваться о чем бы то ни было. «Отвали, сволочь!», словно говорили содранные с крючков занавески и гардина,

вставшая на дыбы и перечеркнувшая окно в наглом нацистском приветствии.

Казалось, что в квартире я совершенно один: ни шороха, ни вдоха. Но это было, конечно, не так. Враг затаился где-то в недрах дивана или восседал в гнезде из моей одежды в шкафу, куда проник, подцепив на специально заточенный для такого случая коготь распатанную его же стараниями дверцу старой хозяйской стенки.

— Филипп, выходи, черт бы тебя побрал!

Реакции не последовало. Про черта я вспомнил напрасно. На лукавого вряд ли стоило всерьез надеяться, кажется, мой черношерстый бандит приходит к нему самым ближайшим родственником.

В щели между дверцами платяного шкафа появился круглый желтый глаз, сверливший меня с энергией электродрели.

— Если это твоя очередная акция протеста, то я откручу тебе голову!

Не обращая внимания на оборонительное шипение, я извлек Филиппа на свет божий, но, к счастью, следов протестной деятельности в шкафу не обнаружил. Видимо, там он просто спал после удачно проведенной акции по подрыву оплота мещанства — окна с занавесками. Ведь всем известно, что мещанство — самый древний враг котов. Шутка ли, одомашнили такого дикого зверя!

Этого вечно несогласного борца за право кошек гадить хозяевам правильнее было бы назвать именем какого-нибудь прославленного революционера: Нельсон Мандела вполне бы подошел. Но его родная хозяйка за политикой не следила, историей не интересовалась, поэтому выбрала животному имя в честь короля российской поп-музыки. Впрочем, некоторое сходство наблюдалось и здесь: как и знаменитый певец, мой Филипп оказался мастером скандала, хай-

па и при этом умудрялся выходить сухим даже из самых сомнительных историй, способных подмочить любую успешную репутацию. Но только не репутацию Филиппа. Вот и сейчас он зажмурился и так натурально поджал ушки, что, если бы рядом оказался зоозащитник, меня безоговорочно оштрафовали бы за жестокое обращение с животными.

Я повернул его плоскую, похожую на змеиную голову в сторону окна:

— Кто это сделал?

— Мяс. — Мой персональный оппозиционер даже нашел в себе силы посмотреть мне в лицо.

В литературе такое положение, как у меня сейчас, называется низшей точкой сюжета, когда хуже уже некуда, и надо либо прилагать титанические усилия и как-то выбираться, либо сдаваться и выходить из игры. Как бы то ни было, срываться на животном, хоть и провинившемся, — последнее дело, поэтому кота я отпустил и отправился на кухню, чтобы сделать передышку и сварить себе кофе.

Кстати, с кофе все и началось.

В каждом языке есть остатки старых убеждений, которые мы не спешим искоренять. Все мы знаем об открытии Коперника, но продолжаем говорить, что солнце садится и встает, хотя, конечно, прекрасно понимаем, что именно Земля наворачивает ежедневные круги вокруг своей оси и ежегодные — вокруг дневного светила. Мы говорим, что наши пути как параллельные прямые, хотя это неоднозначное утверждение в свете того, что после Эвклида был Лобачевский. Но кому дело до Лобачевского, если наш мозг любит жить в привычной классической картине мира, пользоваться устаревшими сравнениями и быть счастливым в уютных и понятных категориях.

Нормальная ситуация. Во всяком случае, мне точно не хотелось бы произносить что-то вроде: «Земля сделала оборот вокруг своей оси, и Солнце пересекло линию горизонта, встав в положение закат».

Кофе — это из той же серии. Кофе — напиток любви. Да, кофе, а не красное бордо, как утверждает Доницетти, и не загадочный эликсир, которого хлебнули несчастные Тристан с Изольдой, после чего оба трагически ушли в мир иной во цвете лет. Видимо, та еще была гадость.

В наше время все начинается с кофе: и утро, и отношения. Пригласить на кофе — любовный мем, который стал предвестником половины всех романов на планете, включая те, которые закончились созданием шедевров современного искусства или убийствами с особой жестокостью. Первый совместный кофе сравним с отправным причалом будущего плавания, с пусковым механизмом, с зачатием.

Кстати, как и зачатие, кофе — не всегда самоцель. Делайте что вам по душе: напивайтесь в ближайшем пабе, запекайте яблоки в карамели, гоняйте по бумажной коробке склизкую лапшу с черными соевыми ушками древесных грибов — спорная тема для первого свидания, но почему нет? Можно отправиться сразу в постель, если обе стороны против излишней метафорики. Но хотя бы упомянуть о чашечке кофе просто необходимо — это азбука. Правда, только не в том случае, если приглашаешь на свидание филолога, пусть даже и недоучившегося.

— Кофе что-то из серии «недо»: и не комплимент, и не «обещание золотых гор», и не «я — лучший», — проговорила огненноволосая тоненькая Геля, хмурясь и напуская суровый вид. В сочетании с ямочками на щеках ее строгость и эта напыщенная барби-фраза смотрелась комично, как будто понарошку. Я понял, что она не шутит и даже не особо ко-

кетничает, только когда ее твердый, как карандаш, палец уперся мне в живот: «Я тебя услышала, но для тебя конкурс на вакансию прЫнца завершен». Добила, чтоб не мучился.

Затрещал скайп. Глупое сердце подскочило и пропустило пару ударов. Звонила, конечно, не Геля и даже не «Фольксваген Джетта», про «Джетту» чуть позже, потому что это тоже важная составляющая моей низшей точки... но сначала нужно было ответить на звонок.

Звонила моя тетка Виктория.

Вике тридцать четыре. Пару недель назад она рассталась с канадским миллионером¹ и уже три дня как уехала, не сказав куда. А еще она филолог, эксперт, но это в данный момент менее важная характеристика.

— Ты где? — поинтересовался я, как только прекратились соединительные шумы и установилась картинка.

Картинка была странной.

— В Караганде, — ответил голосом Вики какой-то японский чувак, который удил рыбу и лыбился, как Прохор Шаляпин при виде очередной богатой бабушки.

— Ты забыла дома телефон и компьютер... Где тебя вообще носит? — проговорил я почти спокойно, лишь слегка намекая интонационными средствами на то, что она меня подставила. Слава богу, что мои мама и бабушка, по совместительству приходящиеся этой наглой красотке сестрой и мамой соответственно, живут в пригороде и звонят не каждый день, иначе мой мозг давно напоминал бы безжизненный

¹ Подробнее об этом читайте в романе Т. Шахматовой «Убийство онлайн».

атолл посреди океана. Только если на мертвый риф жизнь теоретически может вернуться, то с нервными клетками этот фокус, к сожалению, не прокатывает.

— Ты старше меня на двенадцать лет, но ведешь себя как будто наоборот!

Японец улыбался и по-самурайски помалкивал.

— Если ты собиралась делать харакири, — продолжал я, обращаясь к дурацкому японцу, — или что-то в этом духе на фоне неудач в личной жизни и этой сомнительной шелкографии, то не забудь оставить завещание на квартиру в мою пользу, а то у нас с тобой наследование не прямое, придется кучу налогов платить. А на фирму — дарственную. Это, кстати, можно и при жизни. Ты все равно ею почти не занимаешься.

Экран качнулся. В кадр попали ноги еще одного перца, который, если судить по изображению мостков и разводов от воды, тоже рыбачил прямо над головой у моего первого собеседника. Этот повторяющийся орнамент на обоях и кусок встроенной системы кондиционирования, видневшийся слева, намекал на то, что тетка звонит из какого-то гостиничного номера.

— Это у вас, у ветеринаров, не прямое наследование... при гибридном скрещивании, — взяла наконец слово Вика, по-прежнему оставаясь за кадром. — На квартиру — у тебя третья очередь наследования, не обольщайся. На фирму — вторая, но и тут не дождешься. Расти в профессии, доктор Айболит, потом поговорим. — Последнюю фразу японец договорил с бессовестным смешком.

Я потихоньку закипал, но еще держался:

— Так дела не делаются.

— Какие дела? — тоже полезла в бутылку Вика. — Нет сейчас никаких дел.

— Ты прекрасно знаешь, что есть.

Она театрально рассмеялась.

— «Фольксваген Джетта», что ли? Это — не дело.

— Это «Джетта». Годовалая!

Японец обидно хрюкнул:

— Барыга! И ты, и Геля твоя, кстати, тоже барыга.

— При чем тут Геля? — изумился я не столько этой аналогии, сколько осведомленности тетки.

— Да вообще ни при чем! — продолжала подначивать Виктория и, наконец, закончила тоном Торквемады, который просит не проливать крови: — Судя по предварительным ласкам в сторис, эта девушка, с которой ты активно флиртуешь, не только продает всякую хрень доверчивым идиотам, но и пишет диплом по мужским и женским стратегиям речи. Даже не знаю, что из этого хуже. В общем, аккуратнее. Не надо выпрыгивать из штанов, дорогуша. Ну все, давай! Про «Джетту» — забудь!

Произнеся этот загадочный спитч, нуждавшийся в дополнительном декодировании, Вика отключилась, а я остался сидеть за компом, пытаюсь сопоставить одно с другим. Неужели моя родственница дошла до того, что посадила жучок в мой телефон? Иначе откуда она знает про Гелю? Технически возможно, есть у нее такие знакомые, но верилось с трудом. Или, может быть, она постигла дзен с помощью последнего романа Пелевина (ибо иначе — вряд ли), взломала буддийские джаны, освоила телепатию. Хоть Виктория и монстр детективного дела, за что коллеги из следственного комитета прозвали ее детективом с дипломом филолога, все вышеназванное представлялось маловероятным.

Но злился я сейчас не только из-за этой напускной таинственности и даже не из-за пугающей осведомленности Вики о моей личной жизни. Я все пони-

маю: женщины, нервы, эмоции, но если мы взялись за совместный бизнес, то и решения надо принимать вместе. Мы с теткой занимаемся филологической экспертизой текста. В наш век удвоенной реальности, когда виртуальная, текстовая жизнь активно дополнила, а где-то и потеснила привычный материальный мир, профессия филолога вдруг заиграла новыми гранями. Слово теперь не только серебро, пуля, стрела и *#неворобей*, но еще и улика. Мы так много говорим, что порой фатально проговариваемся. Из-за этой многословности нового мира умение подойти к слову с криминальной стороны оказалось настолько востребованным, что помимо работы на ставку в следственном комитете Виктория открыла ООО, дабы иметь возможность рассматривать не только дела, что присылают следственные органы, но и те материалы, которые сваливаются по частным адвокатским запросам.

Вот тут-то и зарыт корень только что произошедшего спора. Я еще учусь в университете, поэтому право подписи экспертиз пока имеет только Вика. Это многое усложняет, особенно в тех случаях, когда она внезапно встает в позу, пропадает со связи и отказывается обсуждать вновь открывшиеся факты. А дело «Джетты» было из тех, которые стоят того, чтобы в нем разобраться. И не только из-за величины вознаграждения.

Кажется, нам в руки приплыло идеальное сетевое преступление. Особенно распаял воображение тот факт, что ни один юрист, ни один лингвист, к которым это дело попадало до того, как приземлилось в нашей электронной почте, не решились за него взяться.

Но моя тетка не была бы собой, если бы не умела пропадать так, чтобы никто не достал. Рядом со мной лежал ее телефон, который я извлек из ее квар-

тиры, открыв дверь своим ключом, после того, как два дня она не отвечала ни на звонки, ни на сообщения.

На телефон только что пришло очередное уведомление об оплате из некоего отеля «Форест парадайз» (да уж, Караганда, держи карман шире!), «Массаж горячими камнями». До этого был еще пиллинг, гидромассажная ванна, капучино с бейлисом, аренда снегохода. В общем, Виктория переживала расставание с канадским миллионером так, как будто они были десять лет женаты и она отсудила у него часть состояния, а не просто получила гонорар за выполненную работу и одним глазком глянула на жизнь по другую сторону океана и финансовой свободы.

Мимо прошествовал Филипп, глянув на меня через плечо так, что умел бы плевать, загасил бы. Я кинул в него тапкой. Пока тапка была в полете, Филя неспешно, даже с известной долей изящества, завернул за угол.

Случай испортить Вике отдых мне представился в тот же день, но сначала про «Джетту».